

Шёл середина десятого месяца. Дорога до столицы затягивалась минимум месяца на два, а то и дольше: великий князь Ли прекрасно знал капризный нрав младшего брата. Наньчжу с детства не терпел лишений, так что мчаться день и ночь без отдыха явно не стал бы.

Раз решение приняли, оставалось только собираться.

Как говорится, дитя за порог — у матери сердце не на месте. Хотя госпожа Цзоу приходилась Наньчжу лишь невесткой, заменяла она ему мать: узнав о поездке в столицу, княгиня извелась от тревоги. Она лично отправилась в поместье уездного князя, чтобы проследить за слугами, и велела упаковать всё, к чему привык её любимец — от особых лакомств до повседневных мелочей.

— Сверхлегкие шахматы, в которые он любит играть, тоже положите. И тот набор резных печатей — будет чем занять время в пути.

— Но если карету начнёт трясти, следите за ним внимательно! Не дай бог руки поранит!

— Наньчжу отродясь отсюда не уезжал... Слыхала я, на севере лютые морозы, а пошить новые вещи уже не успеем. Заберите побольше тёплой одежды: лисьи шубы, тяжелые накидки! Да и в столице всё чужое, ему наверняка станет неудобно. Возьмите его любимые безделушки для комнаты...

К моменту отъезда вереница экипажей и телег растянулась так, что из одного конца не было видно другого.

Карету Ли Наньчжу везла тройка статных коней, а сам экипаж внутри оказался столь просторным, что походил на небольшую комнату. По закону Императору полагалась шестерка коней, великому князю — четверка. Маленький уездный князь Ли, оставаясь в рамках своего титула, выжал из дозволенного максимум, ничуть себя не обделив.

Перед самым отправлением великий князь Ли никак не мог расстаться с младшим братом. Суровый воин стоял с покрасневшими глазами.

— Брат, ты что, плакать собрался? — поддразнил его Ли Наньчжу.

— Это просто песок в глаза попал! — упёрся князь.

Наньчжу лишь хитро улыбнулся:

— А вот я правда буду очень скучать по тебе и по дэйсоу.

Услышав это, великий князь и вовсе пустил слезу — теперь ни один человек не поверил бы про

«песок». В душе его смешались тоска расставания и отцовская гордость: пора бы младшему отбыть из родного гнезда, посмотреть мир, набраться опыта.

— В столице ни перед кем не гнись, — напутствовал он брата. — Не думай о всяких придворных интригах и опасениях, живи в своё удовольствие. Если даже натворишь глупостей — Его Величество не прогневается. Напротив, тамошним чинушам станет лишь спокойнее, если ты проявишь себя своенравным избалованным барчуком.

— Понимаю, братец. Как я и твердил с детства, это мой особый способ скрывать свои таланты, — с готовностью отозвался Наньчжу.

Притвориться пустым, безрассудным и прозрачным для всех фатом — лучшая защита.

Ли Наньчжан лишь вздохнул: ладно, лишь бы глупый братишка был счастлив, спорить с ним бесполезно.

— На принцев и императорских внуков поглядывай. Ежели кто приглянется — только скажи, брат что-нибудь придумает...

— Брат, вообще-то похищение людей наказуемо по закону! Всё, я поехал, а ты прекращай сырость разводить.

Поняв, что удержать слёзы князю не удастся, Наньчжу повернулся к невестке:

— Дэйсоу, успокой его. Я ведь просто уезжаю ненадолго, на следующий год уже вернусь.

Он крепко обнял брата и покровительственно похлопал того по спине.

Великий князь Ли только зубами заскрипел от досады — срамит перед всеми!

— Ах да, чуть не забыл! Брат, Мукэ вчера меня взбесил! — бросил напоследок Наньчжу и шмыгнул в карету.

Отдёрнув занавеску, он с откровенным хохотом наблюдал, как разъярённый отец начал дубасить собственного старшего сына.

Прекрасно!

Великий князь, сгорая от смущения, решил слить досаду и нерастраченные эмоции на наследника. В итоге никто из собравшихся уже не смотрел на заплаканные глаза князя — все затаив дыхание наблюдали, как правитель провинции прямо посреди улицы потчует тумакami

наследного сына.

— Отец! Да разве я смел проявить неуважение к дяде?! — вопил Ли Мукэ, уворачиваясь.

Князь же, прекрасно понимая причину обид младшего брата, рявкал в ответ:

— Да ты чересчур «уважителен»! Ты с самого детства сюсюкался с Наньчжу, словно со своим собственным сыном! Думаешь, ему это нравилось?! Вот потому-то, когда к нам приезжал императорский внук, Наньчжу так радовался — наконец-то появился племянник, который относился к нему как к настоящему старшему! И ты ещё отнекиваешься?! Сам так себя ведёшь, да ещё и Далана научил относиться к а-шу как к ребёнку!

Ли Мукэ оставалось только проклинать судьбу: вот уж воистину, ответил за вину собственного сына.

Под эти жизнерадостные вопли и свалку Ли Наньчжу неторопливо отправился в путь.

В столицу.

Чжаочжоу располагалась на юге, а столица — далеко на севере. Поговаривали, что в давние времена даже купцы обходили Чжаочжоу стороной, и никакого сообщения между югом и севером не существовало. Вся история началась, когда их прапрапрадед Гу Чжао попал в опалу и был сослан сюда вместе со всей семьёй. Тогда-то его супруг, прапрапрадедушка-гэер, взялся за торговлю, наладил связи, и со временем край расцвёл и разбогател.

Вспоминая об этом, маленький уездный князь вольготно развалился на кушетке, а глаза его азартно блестели.

Его предок был попаданцем!

Иначе как объяснишь, что в Великой Ли все государственные тракты и дороги между провинциями вымощены отличным цементом? А во времена правления императора Юньи бурно процветала торговля: появились стекло, хрусталь, ароматическое и банное мыло, резиной оснастили колёса экипажей и даже порох изобрели!

Прапрапрадед, судя по всему, был заядлым технарём.

В детстве Наньчжу обожал слушать предания о предках. Главный козырь попаданца его прапрапрадедушка разыграл во всей красе.

К моменту рождения Наньчжу его семья уже носила титул князей с иной фамилией — вершина могущества для подданного. Так что лет в семь-восемь мальчик преспокойно поедал сладости,

целый день гонял кошек да собак, отбивал номер с учёбой и абсолютно не стремился к высотам.

Семья поначалу пыталась его вразумить, но когда в десять лет ему пожаловали титул уездного князя, Ли Наньчжу окончательно забил на всё и превратился в идейную «вяленую рыбу».

Ныне дорога от Чжаочжоу до столицы пролегала гладкая, ровная, а благодаря мягким каучуковым шинам карету почти не качало. Путешествие выходило комфортным, но чертовски скучным.

Впрочем, какой бы длинной ни казалась дорога, всему приходит конец.

Выехать удалось в конце десятого месяца, а к столице они добрались лишь к концу первого.

Новогодние праздники давно миновали.

Ли Наньчжу, ехавший поздравить Императора с Новым годом:

"М-да..."

— Ваше Высочество, а может, скажете, что занемогли в пути от холода? — подала идею служанка Циньцзяо.

Ли Наньчжу строил страдальческую мину:

— Я же всю дорогу шиковал, пировал и развлекался напропалую! Моя слава гуляки бежала впереди экипажа. Если я сейчас прикинусь больным, это будет слишком шито белыми нитками... Ладно, придётся идти напролом.

Впрочем, вспомнив все деликатесы, что он попробовал в разных провинциях, Наньчжу ни о чём не жалел.

Когда кортеж маленького уездного князя находился ещё в десяти ли от городских ворот, в столице о его прибытии уже знали. Едва экипажи остановились у въезда, их встретили две группы: представители столичного рода Ли и управляющий подворьем князя Ли в столице.

Столичная и чжаочжоуская ветви рода Ли восходили к одному предку. Со временем древо разрослось и разделилось. Когда-то давно у их прародителя родились сыновья-близнецы. Старший отличался гибким умом и дипломатичностью, успешно сдал государственные экзамены и сделал карьеру при дворе. Младший же был человеком тихим, к мирской суете равнодушным, с виду щуплым, но наделённым богатырской силой — сказывались гены прадеда-земледельца. Дожив до зрелых лет в одиночестве, он отправился в Чжаочжоу да там и

обосновался.

Позже его потомки снискали воинскую славу на службе престолу и получили титул правителей-ванов с иной фамилией.

А столичная ветвь Ли происходила как раз от того самого старшего брата.

— Племянник приветствует а-шу, — склонил голову встречающий.

Мужчину звали Ли Муцзэ. Ему перевалило за тридцать девять, он занимал пост министра финансов и имел второй чиновничий ранг. Высокий, подтянутый, с ухоженной короткой бородой и благородными чертами лица, он излучал сдержанное обаяние утончённого книжника.

Вот только по старшинству в роду он приходился Ли Наньчжу племянником.

Что поделать: предки Наньчжу не спешили обзаводиться семьями. Брат его, правда, женился и обзавёлся первенцем рано, а вот сам Наньчжу в свои девятнадцать лет лишь отнекивался от смотра женихов, из-за чего великий князь Ли часами вздыхал, жалуясь, что младший пошёл весь в предков.

Обе ветви семьи поддерживали связь, обменивались подарками к праздникам, сохраняя вежливый нейтралитет, однако старший брат всегда повторял: и в столице, и на юге иероглиф «Ли» пишется одинаково, а значит, они — одна семья.

— Не стоит церемониться, старший племянник, — выслушав его, бойко отозвался Наньчжу.

Он сразу повелел Чжу Лину вместе с управляющим вести основные экипажи в княжескую резиденцию, а сам решил заскочить в гости к столичной родне.

Чжу Лин покорно принялась исполнять распоряжение. Наньчжу же посчитал свою карету слишком громоздкой и велел отправить её вместе со слугами, а сам вознамерился прогуляться верхом, чтобы заодно рассмотреть столицу.

— В таком случае я сопровожу а-шу, — Ли Муцзэ уступил ему своего коня.

Ли Наньчжу ловко вскочил в седло и заметил:

— Вы с Мукэ недаром оба мои старшие племянники. От вас двоих одинаково пахнет.

— Чем же? — любопытствовал Ли Муцзэ. Вообще-то вчера в банный день он смыл с себя всю

грязь.

Наньчжу лукаво изогнул бровь:

— На словах «а-шу, а-шу», а сами обращаетесь со мной как с ребёнком! А то и вовсе как с внуком. Спорим, брат в письмах назвал меня капризным изнеженным баловнем?

Ли Муцзэ погладил бородку, не удержавшись от улыбки.

Дядя и впрямь оказался точно таким, как описывал князь: искренним и задорным.

Во времена расцвета рода бытовала поговорка: «На юге — ван, на севере — главный министр». Под «севером» подразумевалась именно столичная ветвь, регулярно поставлявшая империи глав Внутреннего кабинета. Так что слова Наньчжу о величии их фамилии вовсе не были пустой похвалой.

В конце правления императора Шэнпина институт Внутреннего кабинета упразднили, и должность главного министра канула в лету.

Ныне столичная ветвь закрепилась в статусе почтенной усадьбы министра финансов. Вообще-то по линии предков им полагался титул барона, но столичные сыновья Ли сплошь оказывались талантливыми чиновниками, предпочитавшими добиваться всего собственным умом, а не прикрываться низшим дворянским титулом.

Не то что Ли Наньчжу, беззастенчиво живший на всём готовом благодаря заслугам предков.

Несмотря на юный возраст, Наньчжу обладал высоким статусом в родовой иерархии. Даже самый старший член столичной семьи приходился ему невесткой — это была бабушка Ли Муцзэ.

После обмена приветствиями все расселись по местам.

— Наконец-то доехал! Мы уж все глаза проглядели, — тепло заговорила пожилая матушка, добродушная и острая на язык старушка. — Его отец порывался сам тебя встречать, да я остудила пыл: «Куда тебе с твоими старыми костями в такой мороз? Не дай бог поскользнешься!» Вот Муцзэ и вызвался сам поехать.

Отец Ли Муцзэ, несмотря на солидные лета, лишь смущённо кашлянул от такой материнской заботы.

Ли Наньчжу тут же с улыбкой пожал руку старшему родственнику:

— Я очень ценю заботу старшего брата! Но Муцзэ прекрасно справился. Мы с ним даже прокатились верхом через весь город — в столице так оживлённо!

Встречай его старший, про поездку верхом пришлось бы забыть.

— Вы что, прямо верхом приехали?!

— Ага, немного подмёрзли, но добрались быстро.

Ли Наньчжу и не подозревал, что в этот самый миг его приезд обсуждали во всех знатных домах столицы. Появление уездного князя из Чжаочжоу стало событием из ряда вон.

Поместье Шестого принца.

— Ты точно не ошибся? Неужто сам министр Ли?!

— Как я смею лгать вашему высочеству! Собственными глазами видел! Вся улица гудит: непреклонный и суровый министр Ли сегодня вместо министерства спозаранку рванул к городским воротам. К полудню встретил маленького уездного князя, и когда тот пожелал прогуляться верхом, господин Ли даже словом не возразил — лично вёл коня под уздцы! А ведь уездный князь бросил роскошную карету, запряжённую тройкой, и поплелся в такой мороз на лошади...

Слуга расписывал детали, но замечая, как мрачнеет лицо хозяина, под конец осекся и умолк.

— Я, родной императорский сын, до сих пор хожу без титула, а какому-то чужому гэеру титул пожаловали ещё в детстве! — прошипел Шестой принц. — Ладно бы пожаловали титул уездной княжны, чтобы умаслить род Ли — отец поначалу так и хотел. Да только покойный наследный принц влез со своими советами, и Ли Наньчжу вместо уездной княжны сделали настоящим уездным князем!

Принц холодно усмехнулся:

— Хотел выслужиться перед родом Ли, да только прожил недолго.

Едва речь зашла о покойном наследнике, слуга вытянулся в струнку и уткнулся взглядом в пол, боясь выронить хоть звук.

Дворец Двенадцатого принца.

— Ха-ха-ха-ха! Этот старый хрыч Ли Муцзэ реально уселся на коня?! Да ещё и вёл лошадь Ли

Наньчжу?! — Двенадцатый принц хохотал так, что у него прихватило живот.

Заметив, что хозяин в добром духе, евнух поддал жару:

— Ваше высочество, вы бы видели! Господин Ли сегодня надел сапоги на толстой подошве, так с первого раза даже в стремя не попал, нога соскользнула!

— А-ха-ха-ха! Так ему и надо! Помнится, когда отец проверял у меня декламацию, этот старик подкрался и так меня напугал, что у меня из рукава вывалился «Непобедимый генерал»! Отец меня тогда с потрохами сожрал и заставил три сотни листов прописей измарать! Теперь пусть сам позорится! Ну-ка, рассказывай дальше!

«Непобедимым генералом» звали боевого сверчка, купленного принцем за бешеные деньги. Свою обиду принц помнил до сих пор, так что слуга со свежими подробностями распиался без остановки.

В конце концов слухи дошли и до самого императора Юаньхэ.

Седьмой и Девятый принцы пришли засвидетельствовать почтение правителю. Встретившись у дверей, братья вошли вместе. Перекинувшись дежурными фразами, Девятый принц вскользь упомянул приезд Ли Наньчжу и то, как министр Ли лично встречал его и сопровождал верхом.

Император Юаньхэ лишь тепло рассмеялся:

— Линьчжи в молодые годы отлично держался в седле и отличался лёгким нравом. Это на старости лет он возомнил себя строгим сухарём. Вы просто не застали его прежнего. Подумаешь, прошёлся верхом!

Сразу видно, насколько правитель благоволил министру.

Девятый принц мысленно скривился: до чего же отец потакает этому роду! Но вслух язвительно зашёл с другой стороны:

— Нам не довелось видать господина Ли в столь простодушном настроении. Впрочем, встречать родного дядю — дело семейное. Говорят, уездный князь Ли прибыл поздравить отца с Новым годом, да только праздник давно прошёл...

Император Юаньхэ смерил девятого сына строгим взглядом.

Девятый принц прикусил язык, понимая, что капать на мозги дальше опасно. Но особых угрызений не испытывал: это ведь чистая правда! Отец слепо верил семье Ли, раз позволял какому-то юнцу-гэеру задерживаться с поздравлениями на целый месяц. Сегодня отец закрыл

глаза, но если повторять это из раза в раз, зерно сомнения да прорастёт!

Седьмой принц, заметив, как тень легла на лицо правителя, поспешно перевёл тему. Вскоре настроение императора исправилось.

В этот момент в залу вошёл главный евнух Лю Лубао, держа на весу послание:

— Ваше Величество, принесли сэнъ от поместья князя Ли.

Император развернул свиток, и лицо его вновь просияло.

— Наньчжу едва ступил на столичную землю, а уже рвётся во дворец — засвидетельствовать мне почтение! Вы только поглядите на эту цидулю: пишет, что жаждет поведать обо всём, что видел в дороге! А почерк-то, почерк... — Император покачал головой с отцовской нежностью.
— И брат его ничему не учит!

Лю Лубао согнулся в поклоне и усмехнулся:

— Где уж великому князю сладить с маленьким уездным князем!

— Ха-ха-ха! — Император добродушно расхохотался и повелел: — Ступай к нему лично и передай мои слова: пусть не спешит. Ребёнок проделал такой долгий путь, пусть сперва отдохнёт как следует, а уж потом приходит.

Лю Лубао покорно удалился исполнять поручение.

Девятый принц, пытавшийся очернить Наньчжу:

"М-да, не вышло..."

В усадьбе министра Ли.

— Ныне у Его Величества пятеро сыновей. Из тех, кто родился ещё до восшествия на престол, выжил лишь Четвёртый принц, ныне носящий титул уездного князя Цзя. За ним идут Шестой, Седьмой, Девятый и Двенадцатый. Шестой принц известен своим умом и великодушием, Седьмой — законный сын, рождённый в Срединном дворце, а Двенадцатый — сын Императорской благородной супруги, пользующийся наибольшей любовью государя.

Ли Наньчжу хрустел сочной мороженой грушей и, проглотив кусок, спросил:

— Муцзэ, я ведь тебе родной дядя?

— Разумеется, — кивнул тот.

Игнорируя покровительственный взгляд племянника, Наньчжу протянул:

— Ну так и не забивай мне голову официальной чушью.

— Что именно хочет знать а-шу?

Наньчжу отложил огрызок, вытер губы платочком и с живым интересом подался вперёд:

— Брат говорил, что меня привезли в столицу на смотрины. Кто из неженатых принцев самый красивый?

—? — Ли Муцзэ оторопел.

Заметив выражение лица племянника, Наньчжу со смешком снова взялся за грушу и заявил:

— Сразу предупреждаю: дурнушек и уродов не предлагать.

— Стариков тоже.

— И властных заносчивых мужиков не терплю. Мне нужен кто покладистый, эдакий скромный супруг.

Послушав эту тираду, Ли Муцзэ решил, что дядя просто дурачится, и поддержал шутливый тон:

— Уездный князь Цзя и Шестой принц уже женаты. Впрочем, у уездного князя Цзя есть сын, по возрасту вполне подходящий: ему нынче двенадцать, за пару лет как раз подрастёт.

— Кха-кха-кха! — Ли Наньчжу поперхнулся и вытаращился на него: — Я тебе что, зверь какой-то?!

Ли Муцзэ улыбнулся и перешёл к делу:

— Седьмой, Девятый и Двенадцатый принцы пока не помолвлены. Все трое собой хороши, обладают благородной выправкой. Седьмой принц — высочайшего происхождения, Девятый прям и остёр на язык, а Двенадцатый душой прост и прямодушен.

Наньчжу мигом перевёл с чиновничьего на человеческий:

— Значит, у Седьмого кроме происхождения и похвалить нечего, Девятый — обычный сплетник, а Двенадцатый — набитый дурак.

—... — Господин Ли Муцзэ промолчал.

Дядя оказался весьма проницателен.

— А Ли Яннень? — продолжая грызть грушу, как бы невзначай спросил Наньчжу. — Я не про помолвку. Каково ему живётся?

Муцзэ ответил не сразу:

— Если а-шу любопытно, лучше поглядите сами, когда пойдёте во дворец. Мне трудно судить.

— Ли Яннень живёт во дворце?

— Да.

Три дня спустя.

Маленький уездный князь Ли Наньчжу отправился в Императорский дворец.

Облачившись в парадные одежды уездного князя, Наньчжу перед выходом спросил Чжу Лин:

— Подарки из Чжаочжоу доставили во дворец?

— Да, Ваше Высочество. Как вы и велели, едва мы прибыли, я лично отобрала местные гостинцы и диковинки, что вы покупали по дороге. Наш секретарь всё проверил — никаких накладок, всё уже в резиденции государя, — отчиталась служанка.

— Ничего не забыли? — Наньчжу не дал ей ответить и махнул рукой: — А, ладно! Упакуй-ка мне ещё коробочку моего молочного чая.

Молочный чай считался фирменным напитком Чжаочжоу, и Наньчжу зимой без него жить не мог. Чтобы напиток было удобно брать в дорогу, шеф-повар Ли изготовил специальный растворимый порошок. В лютую северную стужу чашка горячего молочного чая была жизненно необходима.

Чжу Лин тут же уложила баночки в изящную шкатулку.

Снабжённый запасом любимого напитка, маленький уездный князь Ли пребывал в прекрасном расположении духа.

Во дворце.

По случаю визита уездного князя Ли Наньчжу император Юаньхэ ещё накануне велел Лю Лубао оповестить обитателей задних покоев: устраивается семейный пир, дабы с дороги омыть пыль с уездного князя. Приглашения удостоились лишь обладатели титулов и высокого положения.

Ныне во дворце правителя числились Императрица, Благородная супруга, две супруги и три наложницы пин — титулы даровались лишь тем, кто подарил государю наследников.

В вопросе пожалования титулов император Юаньхэ славился редкой скупостью. К чиновникам он ещё проявлял щедрость, но к собственным сыновьям... Четвёртому принцу стукнуло тридцать восемь, он давно жил в собственной усадьбе, а титул уездного князя получил совсем недавно.

Дворец Вечной Радости Императрицы.

— Отец невероятно целует род Ли! Из-за какого-то гэера устраивать семейный пир да ещё заставлять вас лично принимать участие... Слишком много чести! — возмущался Седьмой принц.

Императрица строго взглянула на сына:

— Коли знаешь, как твой отец дорожит Ли Наньчжу, впредь держи такие речи при себе. И лицом не смей показывать неприязнь!

— Матушка, я понимаю. Просто перед вами душу отвожу — тошно мне от него.

— Тебе тошно от какого-то гэера, а за его спиной стоит весь род Ли! Взгляни на двор — кто сравняется в знатности и силе с ними? — Видя, что сын упрямится, Императрица решила приоткрыть тайну: — Государь призвал Наньчжу в столицу вовсе не ради новогодних поздравлений. Он ищет ему супруга.

Седьмой принц мгновенно сообразил и нахмурился:

— Неужто для Яннися?! Да сколько ему лет...

И тут же вспомнил: Ли Яннися акkurat после Нового года исполнилось шестнадцать.

Взгляд Императрицы смягчился, она тихо вздохнула:

— Твой старший брат ушёл слишком рано. Яннян — мой родной внук, неужто я его не люблю? Но с его-то хрупким здоровьем... Он живёт во дворце, окружённый чрезмерной заботой твоего отца, что и без того привлекает слишком много внимания. Если за ним ещё и встанет род Ли, другие принцы не посмотрят, что ты его родной дядя, — они разорвут мальчишку на куски и проглотят, не поперхнувшись.

Она устремила на сына пристальный взгляд:

— Куда лучше, если этот брак достанется тебе.

Мать и сын не произнесли главного вслух, но прекрасно поняли друг друга.

Седьмой принц в глубине души испытывал жгучую зависть: отец настолько печётся о племяннике, что готов бросить к его ногам мощь рода Ли! Однако под строгим взглядом матери ему оставалось лишь кивнуть:

— Яннян — мой племянник. Поверьте, матушка, при мне его жизни ничто не угрожает.

"Коли я взойду на престол, с его чахлым здоровьем мне ничего не стоит даровать ему спокойную старость. Лишь бы не путался под ногами"

Получив обещанное, Императрица облегчённо перевела дух:

— Знаю, ты не жалуешь гэеров. Потерпи немного. Когда достигнем цели, с родом Ли мы расправимся без спешки.

Сжечь мосты, пустить собаку на мясо, едва охота окончилась.

— Я понимаю эту мудрость, матушка. Да только вы ведь присматривали мне кузину, и с тётушкой уже обо всём договорились — хотели весной просить указа у отца. Как быть с этим? — помнил принц. Если он станет добиваться руки Ли Наньчжу, сделать того законным супругом придётся обязательно — предложить уездному князю роль наложника было бы не переманиванием, а смертельным оскорблением всего рода Ли.

Императрица нахмурилась:

— Твой отец держал замысел в глубочайшей тайне, я узнала о нём слишком поздно. Теперь понятно, почему на мои намёки о девушке из рода Су император долго не давал согласия! Настоящий подарок он готовил для Янняна. Впрочем, я слышала, Ли Наньчжу избалован и своенравен. Если он сам воспротивится, твой отец не станет неволить.

Она прикинула варианты:

— Коли у тебя всё выйдет, тётушке придётся уступить. А если нет... — На лице Императрицы мелькнула жёсткая усмешка: — Нельзя допустить, чтобы эта добыча досталась кому-то другому.

Седьмой принц самоуверенно пообещал:

— Не извольте беспокоиться, матушка. Всё будет исполнено в лучшем виде.

Будь здесь Ли Наньчжу, он без труда прочитал бы на физиономии Седьмого принца крупные буквы: «Да этот красавчик уже у меня в кармане!»

ТЬФУ!

Ли Наньчжу о дворцовых кознях ничего не ведал. Он явился раньше назначенного часа и в этот самый момент находился в личных покоях государя.

Праздники миновали, но зима не торопилась уходить. Император Юаньхэ разменял пятьдесят седьмой год и плохо переносил стужу, отчего в зале Вечного Единения вовсю топились подпольные печи- «огненные драконы», наполняя покои уютным теплом.

Увидев Ли Яннися после долгих лет разлуки, Ли Наньчжу с истинно дядиной гордостью сгрёб юношу за руки и радостно воскликнул:

— Нянянь! Помнишь своего а-шу?! Того самого а-шу Наньчжу, который лазил с тобой по деревьям и разорял птичьи гнёзда!

<http://bllate.org/book/19962/1990183>